

УДК 94(410.1)+94(47).046

ББК 63.3(4Вел)51+63.3(2)51

**Революционная Англия и царская Россия
в середине XVII в.: их отношения и восприятие
Англии и англичан в этот период русскими
дипломатами и правящей элитой**

В.Н. Козулин

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

**Revolutionary England and Tsarist Russia in the Middle
of the XVII Century: Their Relations and Perceptions
of England and the English in the Period Shared
by Russian Diplomats and the Ruling Elite**

V.N. Kozulin

Altai State University (Barnaul, Russia)

Статья посвящена взаимоотношениям Англии и России в эпоху английской революции 1640–1650-х гг. Хотя эта тема уже неоднократно рассматривалась в историографии, ее «имагологический» аспект мало изучен. Именно этому аспекту уделяется особое внимание в данном исследовании. Предпринимается попытка проследить особенности и эволюцию восприятия Англии и англичан в этот период русскими дипломатами и правящей элитой. Эти проблемы рассматриваются в их историческом контексте, на фоне развития политических и экономических отношений Англии и России.

Главные выводы статьи состоят в следующем: во-первых, российские власти были достаточно осведомлены о происходящих в Англии событиях, они проявляли сочувствие и оказывали некоторую поддержку стороне роялистов, но из прагматических соображений контактировали и с правительством Кромвеля. Во-вторых, обе английские стороны конфликта также проявляли интерес к России — и не только традиционный торговый, который сильно пострадал в этот период, но также финансовый и политический. В-третьих, революция способствовала и без того нараставшему ухудшению отношения к английским купцам в России и введению жестких мер против них.

Ключевые слова: англо-русские связи, Английская революция, история дипломатии, этнический образ, имагология.

DOI 10.14258/izvasu(2015)3.2-15

Проблема русско-английских дипломатических и культурных связей и сопутствующая ей проблема взаимных восприятий русских и англичан уже дав-

The article deals with Anglo-Russian relations in the era of the Civil War and the Protectorate. Although this issue has been repeatedly discussed in historiography, its “imaginological” aspect is studied insufficiently. Therefore, this aspect gets special attention in this study. The study attempts to trace the characteristics and evolution of the perception of England and the English in this period shared by Russian diplomats and the ruling elite. These issues are considered in their historical context, against the background of political and economic relations between England and Russia.

The main conclusions are that, firstly, the Russian authorities were, in general, quite aware of what is happening in England, they showed sympathy and provided some support to the side of the royalists, but for pragmatic reasons, they were also in contact with the Protectorate. Secondly, the two English sides in the war are often interested in Russia — and they showed not only the traditional commercial interest (which suffered greatly during this period), but also the financial and political interest to the Russia.

Key words: Anglo-Russian relations, English Civil War, diplomatic history, national images, imagology.

но разрабатывается в историографии (см.: [1, с. 158, прим. 10–26]). Интерес к этим проблемам почти никогда не угасал, а в последние два десятилетия даже су-

щественно возрос (ср.: [2–7]). Это можно объяснить, вероятно, тем, что проблемы культурного контакта, диалога двух культур, особенно таких своеобразных и значительно отличающихся друг от друга, как английская и русская, всегда представляют большой интерес для исследователя. В современных гуманитарных науках все более популярными становятся направления, связанные с изучением межкультурных коммуникаций, взаимовосприятия народов.

История русско-английских связей, наряду с другими европейскими связями России, впервые была освещена в сочинениях известных историков Н.Н. Бантыш-Каменского [8], Н.М. Карамзина [9] и С.М. Соловьева [10], а также в фундаментальном издании дипломатических документов Ф.Ф. Мартенса [11], в котором во вводных статьях к отдельным томам довольно подробно рассматривается история дипломатических связей России с западноевропейскими государствами и, в частности, с Англией (в последнем случае эта статья практически полностью дублирует две более ранних статьи того же автора) (ср.: [11, т. IX (X), с. I–CVII; 12]).

Русско-английские отношения в эпоху английской революции впервые были обстоятельно исследованы известной отечественной специалисткой по англо-русским связям И.И. Любименко [13–16]. Отдельные эпизоды в истории отношений России и революционной Англии затрагивались в статьях С.И. Архангельского [17] и В.И. Шункова [18], в сообщении А.С. Кана [19]. Большой вклад в изучение взаимосвязей двух стран в период английской революции внес ярославский ученый З.И. Рогинский, издавший на эту тему ряд статей [20–22] и опубликовавший ценные источники [23–24]. Отражение английской революции в русских литературных памятниках исследовано в работах крупного специалиста по русско-английским литературным связям М.П. Алексеева [25; 26, с. 46–66] и известного историка М.А. Алпатова [27, с. 102–107; 28, с. 335–341]. Достаточно подробно рассмотрены русско-английские связи в революционную эпоху в монографии известного историка и социолога Б.Ф. Поршнева, посвященной «общеевропейскому контексту» английской революции [29, с. 249–259].

Главной задачей нашей статьи является рассмотрение не столько политического аспекта взаимоотношений (хотя и он тоже затронут), сколько аспекта восприятия Англии и англичан и его эволюции в этот период (от первых известий о революции до конца 1650-х гг. — времени последних контактов с представителями Кромвеля). В этом смысле настоящая статья является своеобразным продолжением нашей предыдущей статьи (см.: [1]), развивая начатую тему восприятия русскими людьми Англии и английской культуры в XVII столетии.

Как заявлено в заглавии статьи, речь идет о восприятии Англии и англичан дипломатической и правящей элитой тогдашней России, потому что мы в основном

имеем дело с официальными правительственными и дипломатическими источниками, а говорить о более широком и тем более массовом восприятии применительно к таким давним временам довольно трудно. Сведения об Англии, как и о других иностранных державах, были сосредоточены в центральном органе российской дипломатии тех лет — Посольском приказе. Следует отметить, что в XVII в. Посольский приказ издавал рукописную газету, предназначавшуюся для царя и Боярской думы. Она составлялась по переводам иностранных газет и называлась «вестовыми письмами» или «вестями-курантами» (последнее слово входило в названия многих голландских газет) [30, с. 3]. Большая часть этих материалов опубликована [31]. В выпусках газеты разбросаны в том числе и материалы по Англии. Главным же источником являются, конечно, отчеты послов и дипломатическая переписка, хранящиеся в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА). «Английский» фонд состоит из 20 книг (см.: [32, с. 352]). Дело с публикацией этого фонда обстоит значительно хуже: на сегодняшний день изданы и доступны широкой публике только отдельные документы. Кроме этого, Англия и англичане упоминаются в некоторых других официальных документах, не имеющих отношения к Посольскому приказу, например, в царском указе 1649 г. о высылке английских купцов.

Прежде чем приступить к основной теме, целесообразно обрисовать общий контекст взаимоотношений России и Англии накануне и непосредственно в рассматриваемый период. С середины XVI в. англичане преследовали в Русском государстве прежде всего торговый интерес. В течение почти целого столетия (за исключением нескольких эпизодов конфликтов) представители организованной английскими купцами в 1555 г. для торговли с Россией Московской компании пользовались исключительными льготами (правом беспошлинной торговли). Россия, прежде всего из-за отсутствия собственного флота, не имела возможностей для равноценной торговли в Англии (хотя по договорам обладала таким же правом на беспошлинную торговлю). Поэтому Россию в отношениях с Англией интересовал в основном политический аспект — стремление склонить ее к антитурецкой или антипольской коалиции (или, по крайней мере, к неподдержке этих традиционно враждебных России государств), а также вербовка в Англии на русскую службу необходимых специалистов — военных, инженеров и врачей.

Во время Тридцатилетней войны, в 30–40-х гг. XVII в., Россия и Англия косвенно участвовали в антигабсбургской коалиции, поддерживая Швецию. Россия, в частности, вольно или невольно (поскольку она все-таки в большей степени преследовала свои интересы) оказала эту поддержку Швеции тем, что вступила в Смоленскую войну с Польшей и тем самым

«позволила Швеции воевать с императором без опасения польского нападения» [16, с. 100]. Кстати, накануне Смоленской войны в русскую армию усилился приток добровольцев — англичан и шотландцев. Английский король Карл I в 1632 г. дал согласие на наем в Англии двух тысяч солдат и на покупку пяти тысяч шпаг для России (см.: [16, с. 99–100]).

Но по-прежнему англичан больше всего в отношениях с Россией интересовала торговля. В начале правления Карла I английское правительство было заинтересовано, кроме прочего, в закупках русского хлеба. В 1629 г. в Москву был отправлен английский агент Томас Уич, предполагавший вывезти 100 тысяч четвертей зерна, но получено было лишь 30 тысяч. В 1630 г. Карл просил разрешения на вывоз 14 кораблей зерна [16, с. 100]. Что касается торговых дел Московской компании, то при царе Михаиле Федоровиче она вновь добилась чрезвычайных привилегий и начала вытеснять своих конкурентов голландцев. По мнению Б.Ф. Поршнева, наметилась даже «тенденция к превращению России в одну из сфер колониальной эксплуатации англичанами» [29, с. 249]. Недовольство «тягостными монополиями англичан и беспощадной эксплуатацией русской промышленности и торговли» [3, с. 28] в конечном счете заставило следующего царя Алексея Михайловича изменить политику в отношении английской Московской компании. Ужесточение позиции в отношении торговли англичан по времени совпало с английской революцией, и особенно повлияла на это казнь Карла I, хотя отмена торговых льгот для англичан произошла еще до казни.

Первые сведения об английской революции проникли в Москву, по-видимому, только в 1643 г. и были весьма туманными и наивно-фантастическими. Эти сведения сообщил царю Михаилу Федоровичу из Ясс А.Л. Ордин-Нащокин: «...писано-де, государь, ...что-де английский король и с ним двенадцать тысяч крестились в православную веру, и в земле-де его ныне междоусобие, иные люди еще в прелести (заблуждении) своей, и с православными хотят биться» [29, с. 249]. Но вполне вероятно, что примерно в то же время или вскоре могли появиться и более достоверные сведения о событиях в Англии, исходившие от самих англичан, торговавших в России. Во всяком случае, в декабре 1645 г. Алексей Михайлович, получив какое-то известие о гражданской войне в Англии, даже отменил готовившееся в эту страну крупное посольство [16, с. 102]. В поданной Алексею Михайловичу в 1646 г. челобитной русских купцов против засилья иностранцев (прежде всего англичан) содержались уже довольно ясные сведения о происходивших в Англии событиях: «...а они, государь, агличане торговые люди все Карлусу королю не подручны, и от него отложились, и бьются с ним четвертой год» [33, с. 16]. 22 июля 1646 г. [8, с. 113] царем были наложены тяжелые пошлины на английских купцов (та-

кие же, как и на других иностранцев). По мнению исследователей, это произошло еще до возвращения из Англии русского гонца Г.С. Дохтурова (случившегося 9 августа), т. е. независимо от сведений, полученных от него [23, с. 11; 29, с. 251].

Материалы упомянутого посольства представляют особый интерес и, на наш взгляд, заслуживают самостоятельного исследования. Здесь мы только упомянем, что это посольство, состоявшееся в 1645–1646 гг., было встречено в Англии с большим почетом, но ему не удалось достигнуть главной цели — встретиться с королем, который в это время отсутствовал в Лондоне и, как известно, вел войну с парламентом. Вместо этого посол был принят парламентом и получил от него грамоту для царя, которую последний не удостоил ответом [26, с. 58].

Донесение Дохтурова царю, возможно, усилило неприятие к «бунтовщикам» англичанам у российских властей, хотя, как доказал З.И. Рогинский, цели опорочить парламентскую сторону в глазах царя он вовсе не преследовал [23, с. 10–11]. На позицию по отношению к англичанам и английской торговле в России в это время оказывали гораздо большее влияние другие факторы. Прежде всего это недовольство русских купцов монополией и злоупотреблениями англичан, о чем говорилось в их челобитной, упоминавшейся выше. Повлиять на позицию царя пытались и сами англичане. Враждующие партии стремились дискредитировать друг друга в глазах русского правительства. Так, например, в 1647 г. в Москву прибыл посланец от Карла I Люк Найтингейл с грамотой от короля, датированной еще 1646 г., в которой выражалось удовлетворение по поводу наказания мятежных английских купцов взиманием пошлин и содержалась просьба об отпуске 300 тысяч четвертей зерна с оплатой его не деньгами, а английским сукном. Последняя просьба была удовлетворена лишь частично: было отпущено лишь 30 тысяч четвертей (см.: [16, с. 102; 29, с. 251]). Найтингейл по поручению короля пытался расколоть бывших в Москве английских купцов, предлагая желающим смягчения позиции царя получить у него удостоверения о лояльности к королю ([16, с. 103]; ср.: [29, с. 251]). Тогда английские купцы подготовили доносы на королевского эмиссара, а тот в ответ раскрывал их злоупотребления и даже утверждал, что Московская компания хочет захватить и разграбить Архангельск (что, вероятно, не было лишено в то время основания [16, с. 103]). Любопытно, что через четыре месяца после отъезда Найтингейла от Карла I прибыл новый посланец Томас Бонд, который ходатайствовал о восстановлении привилегий купцов. Возможно, королевская сторона рассчитывала тем самым перетянуть хотя бы часть купцов на свою сторону (ср.: [29, с. 252]).

Но больше всего на изменение, в самую худшую сторону, позиции царского правительства по отношению к англичанам повлияли дальнейшие революци-

онные события в Англии, приведшие к немыслимому, с точки зрения русского патриархально-монархического сознания, злодеянию — казни короля. После получения известия о казни Карла I был издан царский указ от 1 июня 1649 г. «О высылке английских купцов из России, и о приезде их токмо к Архангельску, за многие несправедливые и вредные их для торговли русской поступки, особенно ж за учиненное в Англии убийство короля Карла I». В указе, в частности, говорилось: «...вам англичанам со всеми своими животы [имуществом], ехати за море, а торговати Московского государства с торговыми людьми всякими товары, приезжая из-за моря у Архангельского города; а к Москве и в города с товары и без товаров не ездити. ...И пошлины платить по государеву указу. Да и потому вам англичанам в Московском государстве быть не довелось, что преж сего торговали вы в Московском государстве по государевым жалованным грамотам, каковы даны вам по прошенью государя вашего, английского Карлуса короля, для братския дружбы и любви. А ныне великому государю нашему, его царскому величеству, ведомо учинилось, что англичане всюю землею учинили большое злое дело, государя своего, Карлуса короля убили до смерти: и за такое злое дело в Московском государстве вам быть не довелось. И вы б англичане... в Московского государства в города от Архангельского города с товары и без товаров вперед не ездили, и у Архангельского города не жили [34, с. 167–169]. Таким образом, если в 1646 г. на англичан были наложены только пошлины (такие же, как на других иноземных купцов), то с 1649 г. англичане фактически выслались из России, им запрещено было где-либо селиться, а торговать они могли только в Архангельске.

Можно было предположить, что на этом контакты России с Англией были полностью прекращены, но это вовсе не так. Прежде всего, не прекращались контакты с партией короля. Стюарты не теряли надежды на материальную помощь со стороны Москвы. Еще до казни Карла I, в декабре 1648 г., его сын принц Карл просил об отпуске 40 тысяч четвертей разного зерна для вывоза на 10 кораблях в Ирландию, где в то время находились значительные силы роялистов. После казни короля его сын принц Уэльский (провозглашенный его сторонниками королем Карлом II) обратился за помощью к царю, отправив к нему в качестве посла одного из крупнейших деятелей королевского лагеря Джона Колпепера. Вот как характеризовал сам принц эту фигуру: «Посылаем к Вам нашего испытанного и любезного советника лорда Джона Колпепера, барона и пэра королевства нашего Англии, старейшего и верного государственного советника при короле, нашем покойном отце и государе, человека, полностью осведомленного во всех наших делах, своею мудростью, верностью и долголетней службой заслужившего наше глубочайшее и полное доверие» [21, с. 86].

Выехав в конце сентября или в начале октября 1649 г. из Сен-Жермена, где тогда находился принц, Колпепер через дружественную Голландию добрался до Москвы 5 мая 1650 г. Посольство было довольно многочисленным: как сказано в донесении псковского воеводы (у которого посольство останавливалось на пути в Москву), с послом было «посольских дворян и людей 18 человек». В Москве посольству был оказан необычайно торжественный прием, который с удовлетворением описывается в английском источнике — «Сообщении о приеме лорда Колпепера в Москве». Там говорится, что впереди посла шли три отряда солдат (стрельцов) в красных кафтанах, из личной гвардии царя, а в качестве охраны посла за ним следовали два кавалерийских полка, каждый численностью в 1000 человек. По обе стороны улиц, по которым двигалось посольство, до места, предназначенного ему для жительства, стояли солдаты в полном вооружении. В русских источниках также подтверждается, что «была ему встреча большая» [21, с. 87–88].

В переданной Колпепером царю королевской грамоте, датированной 27 сентября 1649 г., в частности, говорилось: «Мы не сомневаемся в том, что вы, ваше императорское величество [Your Imperiall Ma^{ty}], в вашей великой мудрости рассудите, насколько общим делом всех суверенных государей является обеспечение безопасности их собственных персон, а также мира и неприкосновенности их владений, что возможно, лишь учинив примерное наказание и отомщение за все, что ведет к таким опасным и пагубным последствиям» [21, с. 101]. В заключительной части грамоты содержится просьба о займе в сумме 50 тысяч фунтов стерлингов (по тогдашнему курсу равной 100 тысячам рублей). Король пытается представить этот заем как «залог государевой любви» и верный способ связать их с русским государем «узами вечной благодарности и дружбы» [21, с. 90–91].

Таким образом, это посольство преследовало как политические, так и экономические задачи. В политической части Колпепер встретил совершенное понимание и сочувствие. То, как в Московском государстве относились к республикам, было отчетливо сформулировано известным московским дипломатом А.Л. Ордин-Нащокиным: «...республики суть не что иное, как матери заблуждений и возмущений» [18, с. 102]. Поэтому в ответной грамоте царя Алексея Михайловича, обращенной к принцу Уэльскому, весьма сочувственно утверждалось «Да и по ся места [по сие время] те изменники в Аглинской земле в волнованье пребывают и своими злыми вымыслами ищут того — не токмо чтоб в вашем королевском достойном наследии помешку учинить, но и всю б монархию разорить» [21, с. 100]. Между прочим, подобные чрезвычайные посольства из ближайших доверенных лиц принца Уэльского, в основном в поисках финансовой помощи, были предприняты им одновремен-

но в различные государства Европы — кроме России еще в Испанию, Германию и Польшу [21, с. 85].

Что касается ходатайства Колпепера о восстановлении права английских купцов проживать и торговать в Москве и других русских городах, имея при этом в виду только купцов, верных королю, в этом вопросе посол не нашел понимания. Московские власти объясняли свое нежелание восстанавливать льготы даже для отдельных купцов тем, что все купцы якобы все равно будут везти русские товары в Лондон. Поэтому ответ на предложение посла был таков: «Для того им, агличанам торговым людям, к Москве и Московского государства в города для торгового промыслу ездить не годится, что они из Московского государства всякие товары закупают и отпускают в Аглинскую землю в город Лундон, а того города Лундона парламент и всякие люди не токмо прежнему государю вашему Карлусу королю, его королевскому величеству, злое дело убийство учинили, а ныне и сыну его королевского величества, нынешнему государю вашему Карлусу королю непослушны же и всякое зло делают от них лундонцов. И за таких злодеев и изменников и государю своему убойцов и говорити было не годилось» [21, с. 93].

Зато часть просимого займа (20 тысяч рублей, или 40 тысяч «любских ефимков») Колпеперу все-таки была предоставлена, правда, не деньгами, а товарами — на три четверти мехами и на одну четверть рожью ([16, с. 104]; см. также: [21, с. 101–102; 9, кн. II, т. X, стлб. 1653]). Колпепер дал обязательство выплатить долг через три года, которое было исполнено. По мнению З.И. Рогинского, причиной такой скарденности царского правительства послужила, во-первых, скудость казны и финансовые затруднения, связанные с сильно возросшими расходами на содержание войска, а также, в какой-то степени, и осторожность, проявленная по вполне понятным причинам русским правительством, предоставлявшим заем хотя и законному наследнику, но еще не обладавшему престолом и находившемуся в эмиграции [21, с. 100–101].

Под впечатлением своего визита в Москву лорд Колпепер, видимо, сочинил сам (или, по меньшей мере, вдохновил на это кого-то из роялистов [21, с. 99–101]) одну любопытную фальшивку под названием «Протест царя Алексея Михайловича по поводу казни короля Карла I» (см.: [22]). Этот документ впервые был введен в научный оборот специалистом по истории международного права М.Н. Капустиным [35, с. 42–43]. Полное его название: «Декларация его императорского величества, высочайшего и могущественного властителя Алексея, императора России, великого князя Московского и проч. [A Declaration, of His Imperial Majestie, The most High and Mighty Potentate Alexea, Emperor of Russia, and Great-Duke of Muscovia, &], в которой выражено его отвращение к убийству Карла Первого, короля Великобри-

тании и Ирландии; его стремление к восстановлению на престоле Карла Второго; его решение о запрете всякой торговли с Англией и высказаны его предположения о средствах для установления всеобщего мира во всем христианском мире» [21, с. 96].

В документе излагаются в основном те же мысли и положения, которые встречаются в переписке лорда Колпепера и отчасти в ответной царской грамоте Карлу I, что и заставило З.И. Рогинского заподозрить в авторстве фальшивки самого посла. Заметим, что более ранний исследователь этого вопроса Л.С. Левензон так не считал, полагая, что документ был составлен раньше визита посла в Россию, во всяком случае до 10 апреля 1650 г., т. е. до открытия конгресса, на который «русский царь призывал собраться государей Европы» [36]. В самом документе указывается дата его написания 20 сентября 1649 г., что, наряду с прочим, уже вызывает сомнения в его подлинности (поскольку в России в то время использовали летосчисление от Сотворения мира, а не от Рождества Христова). Главная идея этого «Протеста» заключается в призыве к объединению всех христианских государей для подавления мятежа в Англии и жестокого наказания «мятежников», что необходимо «для сохранения всеобщего мира во всех христианских государствах» [21, с. 100].

Хотя «Протест царя Алексея Михайловича» и являлся, по всей видимости, фальшивкой, высказанные в нем мысли в целом разделялись в российских правящих кругах. В России в это время имели хождение несколько переводов английских роялистских брошюр, в том числе довольно подробная биография казненного короля «О Каролусе первом, короле великобританском, французском и ирландском», сочинение «О убиении краля аггельского с латинска языка, с книжки в 8°, изданная лета 7157» (1649) и «Сказание как аглинского короля Карлуса Стюверта казнили и что его величества последние слова были вышед на место, где его казнили генваря в 31 день». Последнее восходит к английскому оригиналу под заглавием «King Charles, His Speech Made upon the Scafford at White-Hall Gate, Immediately before His Execution», 1649 г., дошедшего в Москву через немецкое, а затем шведское посредничество (такого рода тексты циркулировали тогда во многих европейских странах) [27, с. 59–62].

Что касается отношения Москвы к революционному лагерю, нетрудно предположить, что оно складывалось не столь благоприятно. Несколько лет с новыми английскими властями не было никаких официальных контактов. Но кое-какие сведения о происходящем в Англии и о новом лидере Оливере Кромвелле доходили до России. Впервые имя «полковника» Кромвелля в русских источниках упоминается в 1649 г. — в рукописном издании Посольского приказа «Вести-Куранты» [20, с. 72]. В апреле 1650 г., накануне приезда в Москву

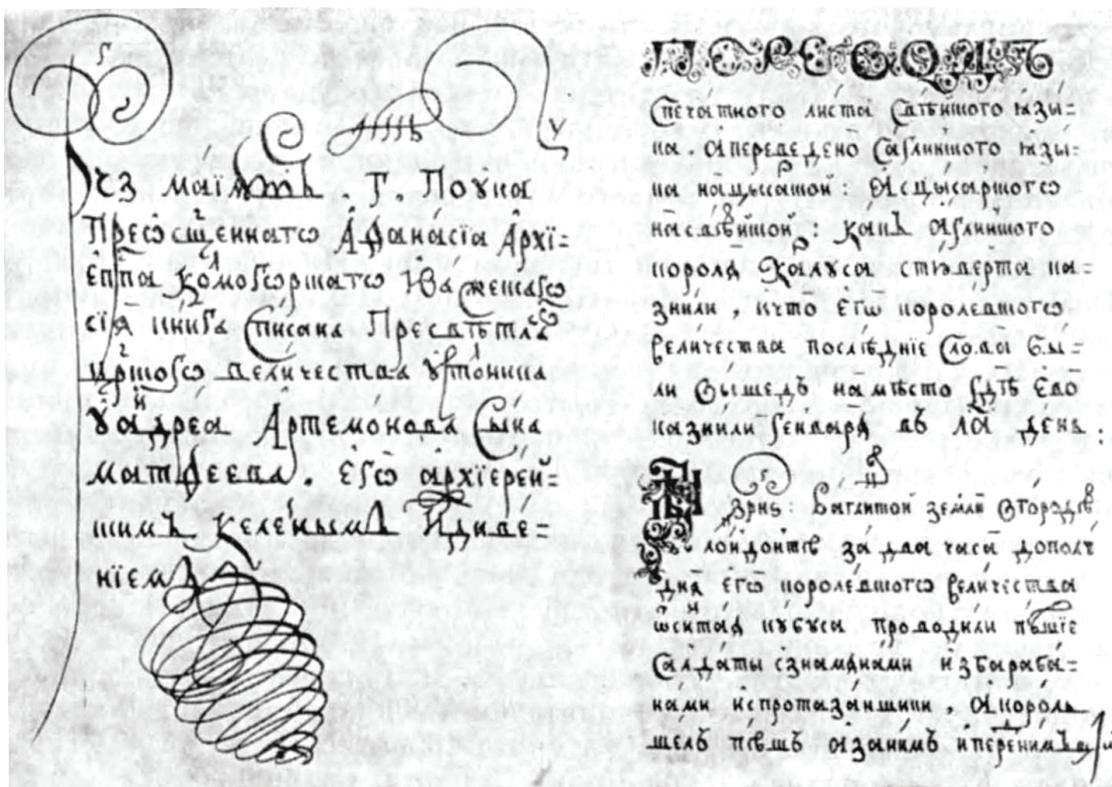

Рис. 1. «Как аглинского короля Карлуса Стюверта казнили...». Русский перевод английской брошюры. 1650-е гг. [26, с. 61]

посланца принца Уэльского Колпепера, один из роялистски настроенных членов английской Московской компании Джон Гебдон, будучи принят в Посольском приказе, так характеризовал происходящие в Англии события: «А худые де люди, воры [разбойники] изо всяких чинов, которые в солдатах и которые от того междоусобия грабежом наполнилися и учили жити з большими прохладами и те де хотят тово, чтоб над ними никакова начала не было. А владеть бы де им вором самим. И в том де большая между ними рознь и междоусобие. А начальной де у них человек Кронвель и тот де из обышных людей» [20, с. 73].

После сближения Англии со Швецией, с осени 1653 г., из последней в Москву начинает поступать благожелательная информация. В феврале 1654 г., в преддверие намечавшегося визита в Москву посла от Кромвеля, «свейский комиссар» Яган Дероде подал в Посольский приказ «вестовое письмо» совершенно прокромвелевского содержания под заглавием: «Дивное пременение в Аглинской земле, где Крумвель декабра в 26 день (по новому стилю, так как Швеция, в отличие от Англии и России, уже перешла на григорианский календарь; соответственно, по старому стилю, принятому в английских источниках, 16 декабря — см.: [21, с. 74, прим. 13]. — В.К.) 1653 г. учинен оборонителем Аглинские, Шкотцкие и Ирлянские земли с великою силою, что никоторому королю такая

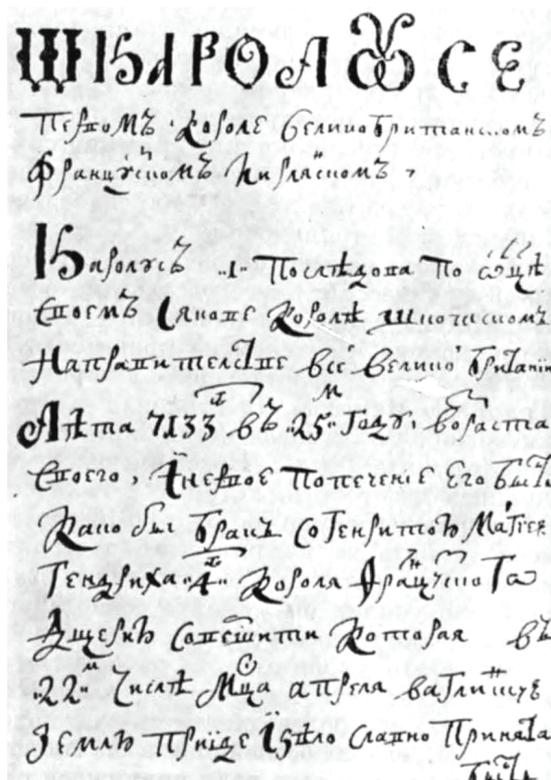

Рис. 2. «О Каролусе Первом». Начальная страница рукописи [26, с. 61]

великая сила не бывала». В вестовом письме подробно описывается шествие Кромвеля, церемония в парламенте, излагаются положения новой конституции и рассказывается об отношении к лорду-протектору народа, в частности, говорится, что «ввечеру меж четырьмя и пятью часами и в городе Лундене и около Лундена у жильцов и у салдагов неизбыкая радость была о сем счастливом дни». С этим сообщением был ознакомлен царь, судя по надписи на обороте первого листа: «Государю чтено» [20, с. 74].

Но московские власти, видимо, еще чаще получали противоположную информацию о новом английском режиме. Больше всего их тревожили раздуваемые роялистами ложные слухи о готовящемся Кромвелем нападении на Архангельск. Подобные слухи появились еще до установления протектората, в 1652 г. В июле 1654 г. в грамоте новгородского воеводы царю сообщалось о сведениях, поступивших от «верного торгового человека», что «Крумвель хочет одноконечно посылать к городу Архангельскому сто караблей воинских с людьми, а на тех де кораблях хотят поставить влаги [флаги] торговых караблей и хотят они у города Архангельского, что не есть твоей государевы казны и с иных торговых людей товаров воровством пограбить и пограбя ехать назад, а свейским де торговым людем то гораздо будет добро, что с города [Архангельска] торговлю розорят для того, чтоб товары все шли через их землю». Тогда же Джон Гебдон сообщал в Посольском приказе о будто бы посланных Кромвелем к Архангельску 25 кораблях, «чтоб теми караблями торг помешать у Архангельского города и ходу помешать галанским и амбурским и иных земель кораблем». Эти слухи подействовали даже на гамбургских купцов, которые отменили отправку в Архангельск своих уже груженных кораблей, напуганные тем, что-де «выслал нынешней владетель Аглинской земли протектор Оливер Крумвель сорок караблей на большое море, а для чего де выслал и того де не ведомо» [20, с. 75].

Слухи об агрессивных планах Кромвеля в отношении Архангельска возникли не совсем на пустом месте. Известно, что польский уполномоченный Н. де Биэ (прибывший в Англию в 1655 г.), который пытался привлечь протектора на сторону Речи Посполитой в войне против мятежных казаков Богдана Хмельницкого, действительно призывал Кромвеля отправить флот в Архангельск и наказать русских за изгнание англичан. В грамоте от польского короля Яна-Казимира говорилось: «...ваша светлость легко может заключить, насколько и вашей светлости и государству английскому полезно, чтобы в ущерб соседним королевствам и самой Британии московское могущество не возросло беспредельно ... Поэтому святое королевское величество, милостивейший мой господин уверен и крепко надеется на то, что ваша светлость отнюдь не намерена будет позволить москowi-

ту помощь, помогать ему оружием или разрешать вывозить из Англии солдат. А напротив, когда москowitz все силы, какие он только имеет, направит в Литву, оставив открытыми все остальные части своего государства... возникнет удобный случай для вашей светлости отомстить за несправедливости, умножить свою славу и расширить Британскую империю. В этом, надеюсь, ваша светлость легко позволит себя убедить, чтобы флотом всего из нескольких кораблей напасть на московский порт Архангельск и направить против него некоторые военные силы» [20, с. 77].

Однако Кромвель не внял этому совету, он, наоборот, склонялся к поддержке восставших казаков и даже, как считают некоторые исследователи, состоял в переписке с Богданом Хмельницким, которого (если верить записи современника М. Голинского) хвалебно называл «Божьей милостью генералиссимусом войска и старой греческой религии и церкви, вождем всех запорожских казаков, грозой и искоренителем польского дворянства, завоевателем крепостей, истребителем римских священников» (цит. по: [21, с. 78]). Дружественное отношение Кромвеля к казакам и к Москве объясняется, по-видимому, его стремлением привлечь к единому антигабсбургскому фронту все антикатолические силы Европы, а про неприятие на Руси католиков он наверняка был наслышан [29, с. 259]. Правительство Кромвеля, согласно материалам архива Джона Терло, ведавшего в период протектората секретной разведывательной службой Англии за границей, «тщательно собирало и изучало все сообщения о событиях внутренней жизни и внешней политике России, о русско-шведских, русско-голландских отношениях, о действиях русских войск и т. д.» [20, с. 72].

Стремясь наладить отношения с царским правительством, Кромвель решил отправить в Россию свое посольство, которое возглавил агент упомянутой разведывательной службы Уильям Придо. Посольство прибыло в Архангельск еще в августе 1654 г., потом, из-за эпидемии чумы, его надолго задержали в Вологде, и в Москве оно оказалось только в феврале 1655 г. Главными задачами этого посольства было желание улучшить тяжелое положение в Российском государстве английских купцов, а также, по предположению ряда историков, содействие примирению России со Швецией (см.: [29, с. 258, прим. 115]). Кромвель стремился оградить Англию с севера от каких-либо враждебных действий во время новой схватки с Испанией [16, с. 106]. В грамоте Кромвеля к царю, в частности, говорилось: «Мы ищем покою и доброго хотенья к нашим торговым людем не токмо которые дома, а и в иных государствах, и ведаем то, что торговля и торг есть истинно то, чем вяжутся государства вместе и что чинит им богатство и благодать» [20, с. 72].

Нельзя сказать, что это посольство было особенно тепло встречено в Москве. По признанию самого

посла, «в каких государствах я ни был, такой почести себе не видывал: пристав сидел у меня в санях по правую сторону и шагу с меня сняли». Во время аудиенции царь не встал с места, когда интересовался здоровьем лорда-протектора, на что Придо возмущенно заявил: «хотя ныне в Английской земле и учинены статьи [республика], однако государство ничем не убыло; испанский, французский и португальский короли и венецианские статьи воздают владетелю нашему честь так, как и при прежних королях» [12, кн. II, с. 31–32]. В грамоте, привезенной Придо от лорда-протектора, так объяснялась его легитимность: «Великий земский сейм, отчаявшись в исправлении многих дуростей, бывших в Английской земле при державе прежних королей, переменял правление и поставил самого доброго и премудрого государя Оливера, который посылает с большою любовью поклон к кесарскому величеству, великому государю кесарю Алексею Михайловичу» [12, кн. II, с. 31].

Из экономических целей своего посольства Придо, конечно, практически ничего не добился. Как известно, царь не внял даже просьбам роялистской стороны улучшить положение английских купцов. Но все-таки Придо добился фактического признания Москвой протектората (см.: [29, с. 258]). В ответной царской грамоте Кромвелю говорилось: «Оливеру, владетелю над статьи Аглинской, Шотландской и Ирландской земель и государств, которые к ним пристали. Что вы с нами дружбы и любви ищите, то мы от вас принимаем в любовь, в дружбе, любви и пересылке с вами, протектором, быть хотим, и поздравляем вас на ваших владительствах, в чем вас Бог устроил. Что ваша честность пишете о торговых людях, нам теперь об этом деле вскоре рассмотрение учинить за воинским временем нельзя, а вперед наш милостивый указ будет, какой пристоем обоим государствам к покою, прибыли, дружбе и любви» [12, с. 32].

Но несмотря на формальное установление отношений с протекторатом, Москва не прекращала, разумеется, общения и со Стюартами. В том же 1655 г. от принца Карла была получена грамота, в которой он выражал свои добрые чувства к русскому царю, благодарил за ласковый прием лорда Колпепера и за предоставленный заем, обещая расплатиться, «как только Богу угодно будет возратить Стюартам престол». Он давал заверения, что окажет царю всяческие услуги, если его дела когда-либо этого потребуют [16, с. 108].

Напротив, попытка отправки в 1657 г. еще одного посольства в Москву от Кромвеля, с целью противодействия участию России в антишведской коалиции, провалилась. Впрочем, это было связано в значительной степени с дипломатическими ошибками Кромвеля. Во-первых, сам выбор личности посла был не особенно удачным. Им был назначен

Ричард Бредшоу, родственник Джона Бредшоу — главы Верховного судебного трибунала, приговорившего к казни Карла I [16, с. 109]. Во-вторых, посол республиканской Англии без должной тщательности отнесся к написанию полного титула царя, что всегда было очень важным в отношениях с Москвой, и вызывало ее решительные протесты. Но самое главное — это то, что новый посол пытался проехать в Москву через земли Швеции, враждебной Русскому государству и находившейся с ним в то время в состоянии войны, хотя еще перед войной русское правительство не позволило предыдущему кромвелевскому послу Придо возвращаться в Англию этим путем. Недовольное всем этим московское правительство оттягивало дачу разрешения послу на въезд в Россию. Разрешение поступило только в марте 1658 г., когда миссия Бредшоу уже считалась законченной, и заставило его уже на обратном пути в Англию [16, с. 110].

На этом заканчивается история отношений Российского государства с Англией в революционный период ее истории. Дальнейшие связи относятся уже к эпохе Реставрации. Можно сделать несколько выводов из всего изложенного. Во-первых, следует отметить, что официальная Москва была достаточно осведомлена об основных событиях английской революции и противоборствующих силах. Она проявляла естественную монархическую солидарность и сочувствие к роялистам, но из прагматических соображений не отказывалась и от контактов с противоположным лагерем. Во-вторых, для самих противоборствующих сторон Россия имела далеко не последнее значение и представлялась в их глазах не какой-то «варварской страной», а огромной империей, в которой каждая сторона видела свой интерес. Подтверждением этого тезиса является использование в английских источниках этого времени, как правило, императорского титула по отношению к русскому царю. И ту и другую сторону английского конфликта больше всего интересовал, конечно, вопрос о возможности восстановления хотя бы частично привилегированной английской торговли в Московском государстве. Но в то же время в эпоху революции англичане преследовали и политические цели в отношениях с Россией: роялисты искали у Москвы политической и экономической поддержки в гражданской войне, а Кромвель стремился обеспечить безопасность Англии с северо-восточной стороны, готовясь к противостоянию с Испанией.

Наконец, в том, что касается восприятия Англии и англичан в рассмотренный период, следует еще раз подчеркнуть, что английская революция, безусловно, ухудшила мнение российских властей об англичанах, и без того уже подпорченное их нечестной и эксплуататорской торговлей в России, и, соответственно, ускорила и ужесточила меры, предпринятые московским правительством против английской торговли.

Библиографический список

1. Козулин В.Н. Англия начала XVII века глазами русских // Известия Алт. гос. ун-та. — 2015. — №4/1. DOI:10.14258/izvasu(2015)4.1-24
2. Костриков М.С. Русско-английские отношения во второй половине XVI–XVII вв. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. — М., 2009.
3. Лабутина Т.Л. Англичане в допетровской России. — СПб., 2011.
4. Невакшенов А.Б. Зарождение и развитие англо-русских отношений в XVI–XVII вв. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. — М., 2004.
5. Орлов А.А. «Теперь вижу англичан вблизи...»: Британия и британцы в представлениях россиян о мире и о себе (вторая половина XVIII — первая половина XIX вв.). Очерки. — М., 2008.
6. Прокофьева Н.Е. Англо-русские культурные контакты XVII в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. — М., 2003.
7. Соколов А.Б. Навстречу друг другу: Россия и Англия в XVI — XVIII вв. — Ярославль, 1992.
8. Бантыш-Каменский Н.Н. Обзор внешних сношений России (по 1800 г.). — М., 1894–1902. — Ч. I.
9. Карамзин Н.М. История государства Российского : в 12-ти т. 2-е изд. — СПб., 1818–1829.
10. Соловьев С.М. История России с древнейших времен : в 6 т. — 2-е изд. — СПб., 1897.
11. Мартенс Ф.Ф. Собрание трактатов и конвенций России с иностранными державами. Т. I–XV: Трактаты с Англией. — СПб., 1874–1909.
12. Мартенс Ф.Ф. Россия и Англия в продолжение XVI и XVII веков // Русская мысль. — М., 1891. — Кн. I–II.
13. Lubimenko I. Anglo-Russian Relations During the First English Revolution // Transactions of the Royal Historical Society. Fourth Series. — Vol. XI. — L., 1928.
14. Lubimenko I. Les Relations Diplomatiques de l'Angleterre avec la Russie au XVII-e Siècle // Revue Historique. 51 année. — Т. 163. — Sept. — Oct. 1926.
15. Lubimenko I. Les Relations Commerciales et Politiques de l'Angleterre avec la Russie avant Pierre le Grand. — Р., 1933.
16. Любименко И.И. Англия и Россия в XVII в. // Английская буржуазная революция XVII века : в 2 т. — М., 1954. — Т. II.
17. Архангельский С.И. Дипломатические агенты Кромвеля в переговорах с Москвой // Исторические записки. — Вып. 5. — 1939.
18. Шунков В.И. Эпизод из деятельности английских купцов в Московском государстве XVII века. 1650–1653 // Исторический архив. — 1939. — №2.
19. Кан А.С. Сведения русских об английской революции // Известия Академии наук СССР. Серия истории и философии. — Т. VI. — №5. — 1949.
20. Рогинский З.И. Из истории англо-русских отношений в период протектората Кромвеля // Новая и новейшая история. — 1958. — №5.
21. Рогинский З.И. Миссия лорда Колпепера в Москву. (Из истории англо-русских отношений в период Английской буржуазной революции XVII в.) // Международные связи России в XVII–XVIII вв. — М., 1966.
22. Рогинский З.И. Так называемый «Протест царя Алексея Михайловича по поводу казни короля Карла I». // Ученые записки Ярославского гос. пед. ин-та им. К.Д. Ушинского. — Вып. XXII (XXXII): Всеобщая история. — 1957.
23. Рогинский З.И. Поездка гонца Герасима Семеновича Дохтурова в Англию в 1645–1646 гг. Из истории англо-русских отношений в период английской революции XVII века. — Ярославль, 1959.
24. Рогинский З.И. Лондон 1645–1646 годов. Новые источники о поездке гонца Герасима Семеновича Дохтурова в Англию. — Ярославль, 1960.
25. Алексеев М.П. Англия и англичане в памятниках московской письменности XVI–XVII вв. // Ученые записки ЛГУ. — Вып. 15. Серия исторических наук. — 1947.
26. Алексеев М.П. Русско-английские литературные связи (XVIII — первая половина XIX в.) // Литературное наследство. — Т. 91. — М., 1982.
27. Алпатов М.А. Что знал Посольский приказ о Западной Европе во второй половине XVII в. // История и историки. Историография всеобщей истории : сб. статей. — М., 1966.
28. Алпатов М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа (XII–XVII вв.). — М., 1973.
29. Поршнева Б.Ф. Франция, Английская революция и европейская политика в середине XVII в. — М., 1970.
30. Шамин С.М. Куранты XVII столетия. Европейская пресса в России и возникновение русской периодической печати. — М.; СПб., 2011.
31. Вести-Куранты. 1600–1639 гг.; 1642–1644 гг.; 1645–1646, 1648 гг.; 1648–1650 гг.; 1651–1652 гг., 1654–1656 гг., 1658–1660 гг.; 1656 г., 1660–1662 гг., 1664–1670 (в 2-х ч.). М., 1972; 1976; 1980; 1983; 1996; 2008–2009.
32. Рогожин Н.М. Посольский приказ. Колыбель Российской дипломатии. — М., 2003.
33. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией императорской Академии наук. Т. IV: (1645–1676). — СПб., 1841.
34. Полное собрание законов Российской империи. — СПб., 1830. — Т. II.
35. Капустин М.Н. Дипломатические сношения России с Западной Европой во второй половине XVII века. — М., 1852.
36. Loewenson L. Did Russia Intervene after the Execution of Charles I // Bulletin of the Institute of Historical Research. — Vol. XVIII. — №52. — L., 1940.